

Религиоведение. 2020. № 2. С. 91–98.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2020. No. 2. P. 91–98.

DOI: 10.22250/2072-8662.2020.2.91-98

Кислин К.Б.

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5
kislin_k_rel@mail.ru

Интерпретация мифа о Нарциссе и Эхо в трактате Петра Берхория «Морализованный Овидий» в контексте рецепции античной мифологии во Франции XII–XIV вв.

Аннотация. Настоящая статья посвящена теме рецепции античной мифологии в пособии для проповеди французского мифографа XIV века Петра Берхория «Морализованный Овидий» на примере сюжета о Нарциссе и Эхо. Новизна данной работы заключается в сопоставлении трактовки мифа о Нарциссе и Эхо в трактате Петра Берхория с интерпретацией данного сюжета в богословской традиции и в куртуазной лирике XII–XIV веков. Отмечается, что для богословского понимания мифа, истоки которого можно проследить уже в «Педагоге» Климента Александрийского, характерно восприятие образа Нарцисса как человека, чрезмерно увлечённого «иллюзорной славой» этого «преходящего мира», тогда как в куртуазной литературе указанного периода главной становится тема мести Нарциссу за отказ любить Эхо, зачастую сопровождающаяся предостережением автора против нарушения «законов Любви». Анализ трактовки истории о Нарциссе и Эхо Петра Берхория в общекультурном контексте эпохи позволил нам сделать некоторые выводы, касающиеся специфики отношения автора «Морализованного Овидия» к античному наследию: 1) Пётр Берхорий, сравнивающий мифологического Нарцисса с теми людьми, которые из-за собственного тщеславия забываются о своей душе, вследствие чего исчезают, словно цветок нарцисса, является представителем богословской традиции морализации античной мифологии; 2) при составлении пособия для проповеди, опирающегося на античный материал, Пётр Берхорий мог ставить перед собой не только цель развлечь аудиторию при помощи красочных примеров из Овидия, но и, напротив, придать христианский смысл мифологическим сюжетам, уже в какой-то мере знакомым средневековой аудитории; 3) в соответствии с вышесказанным, мы считаем, что в творчестве Петра Берхория гуманистические тенденции находились в тесной связи с консервативными. Представленное исследование является полезным как для дальнейшего изучения трактата Петра Берхория «Морализованный Овидий», так и для лучшего понимания взаимодействия богословского и светского элементов в средневековой рецепции античной мифологии.

Ключевые слова: Пётр Берхорий, «Ovidius moralizatus», Нарцисс, рецепция античной мифологии, средневековая проповедь, куртуазная литература

Konstantin B. Kislin

St. Petersburg State University
5 Mendeleevskaya linya St. Petersburg, Russia, 199034
kislin_k_rel@mail.ru

“Interpretation of the Myth of Narcissus and Echo in a Treatise “Ovidius Moralizatus” by Petrus Berchorius in the Context of Reception of the Antique Mythology in France of the 12th –14th Centuries

Abstract. The current article is dedicated to the reception of the antique mythology in a 14th-century treatise “Ovidius Moralizatus” by Petrus Berchorius, which was intended for preaching, using as an example the myth about Narcissus and Echo. The novelty of the research consists in the comparison of Berchorius’s reception of this myth to those interpretations which were given in the poetry and theology of 12th – 14th centuries. We underline the fact that the theological understanding, the origin of which can be traced back to the “Paedagogus” by Clement of Alexandria, was characterized by the perception of the image of Narcissus as a person who was excessively carried away by the “illusory glory” of this “transitory world”. Meanwhile, for the courtly poets of the same period of time, who usually interpreted Narcissus’s fate as a warning against breaking the “laws of Love”, the main theme was the revenge on Narcissus for rejecting Echo. The analysis of Petrus Berchorius’s interpretation of Narcissus and Echo’s story in the general cultural context of the epoch allowed us to draw

some conclusions about Petrus Berchorius's attitude towards the antique mythology: 1) Petrus Berchorius, comparing Narcissus to those people who, because of their vanity, forget to take care of their souls and as a result disappear like a narcissus flower, was a representative of the theological tradition of moralization of the antique mythology; 2) the aim of Petrus Berchorius, when drawing up the treatise based on the antique material, may have been not only to entertain his audience with the colorful examples from Ovid, but also to provide the Christian interpretation of mythological plots, which had already been familiar to his audience to some extent; 3) in accordance with what was said above, we may conclude that in the works of Petrus Berchorius the humanistic and conservative tendencies were in the close connection with each other. The research is useful both for further research of the "Ovidius moralizatus" and for a better understanding of the interaction of the theological and secular elements in the medieval reception of the antique mythology.

Key words: Petrus Berchorius, "Ovidius moralizatus", Narcissus, reception of the antique mythology, medieval Christian preaching, courtly lyrics

Трактат Петра Берхория (фр. Пьер Берсиур) «Морализованный Овидий» («Ovidius moralizatus»; первая редакция закончена до 1342 года в Авиньоне)¹, являющийся, по словам исследователя В.Д. Рейнольдса, кульминацией в серии попыток придать «Метаморфозам» Овидия христианский смысл [Reynolds, 1990, 83], занимает достойное место среди важнейших средневековых мифографий² (наряду с трудами Арнульфа Орлеанского, Александра Неккама, Джона Гарланда и других)³. Однако, несмотря на определённое внимание со стороны специалистов, занимающихся исследованием средневековой рецепции античной мифологии, и в основном рассматривающих положение данного трактата в общем контексте средневековой христианской аллегорезы (выделим статьи Ф. Коулсона [Coulson, 2011], Дж. Кларка [Clark, 2011] и статью Л. В. Евдокимовой [Евдокимова, 2018], в которой трактат «Морализованный Овидий» рассматривается с точки зрения заложенных в нём социально-идеологических смыслов), а также на наличие ряда работ, посвящённых влиянию Петра Берхория на дальнейшую рецепцию античной мифологии (отметим только статью Д. Келлогг, посвящённую влиянию Берхория на Кристину Пизанскую [Kellogg, 1990], и статью Э. Уилкинса [Wilkins, 1957], в которой рассматривается возможное заимствование Чосером определённых пассажей из «Морализованного Овидия» при описании античных божеств), содержание трактата «Морализованный Овидий» до сих пор остаётся малоизученным.

В настоящей статье мы проанализируем рецепцию мифа о Нарциссе и Эхо, представленную в трактате «Морализованный Овидий», сопоставив её с той спецификой восприятия и интерпретации данного мифологического сюжета, которая была характерна для сочинений христианских мифографов, а также для куртуазных поэтов периода XII–XIV веков во Франции. Мы считаем, что подобный компаративный анализ восприятия отдельного мифологического сюжета в труде Петра Берхория позволит нам более точно обозначить место трактата «Морализованный Овидий» в общем контексте средневековой рецепции античной мифологии.

Начиная с XII века, когда изучение Овидия становится частью школьного курса грамматики [Nightingale, 1990, 50], сюжет о Нарциссе и Эхо начинает появляться как в богословских трудах, так и в секулярной любовной лирике. Согласно фундаментальному исследованию Л. Виндж, посвящённому рецепции образов Нарцисса и Эхо в европейской культуре, первые упоминания данного сюжета в литературе относятся ко второй половине XII века. Прежде всего, речь идёт о двух анонимных произведениях на старофранцузском языке – «Романе об Александре» («Roman d'Alexandre», ок. 1180 г.) и «Лэ о Нарциссе» (кон. XII в.) [Vinge, 1967, 57–58]. В эпизоде, представленном в «Романе об Александре», две девушки поют песню во время конной прогулки, пересказывая сюжет о Нарциссе и отмечая, что он возжелал собственное отражение в воде больше, чем рыцарь желает свою даму. Л. Виндж указывает на совмещение рыцарского и пасторального мотивов в данном сочинении; подобные «декорации», а также то, что история Нарцисса была представлена в форме песни, по мнению исследовательницы, могут свидетельствовать о том, что миф был известен за пределами учёных кругов [Vinge, 1967, 57–58].

В «Лэ о Нарциссе» данная история подвергается некоторой интерпретации: Данэ (Dané) – царская дочь, заменившая Эхо и способная разговаривать, влюбляется в Нарцисса, который отвергает её; оскорблённая отказом, Данэ просит у Венеры

отмщения; Нарцисс влюбляется в собственное отражение в воде (не сразу узнав его), после чего данные персонажи умирают в объятиях друг друга, оба – от неразделённой любви. В отличие от «Романа об Александре», в котором сюжет мифа никак не комментируется, автор «Лэ о Нарциссе» предлагает морализацию, согласно которой судьба Нарцисса, потерпевшего заслуженное наказание за своё пренебрежение к любви Данэ, служит предостережением против нарушения «законов Любви» [Vinge, 1967, 64–65].

Мотив мести за отвергнутую любовь получил широкое распространение в куртуазной литературе XII–XV веков. Например, он встречается в романе французского трувера Робера де Блуа «Флорис и Лириопы» (ок. 1250), в котором Нарцисс (сын надменной принцессы Фив – Лириопы) жестоко обходится с чувствами некой молодой леди, за что получает заслуженное наказание от «Бога, сотворившего небо и землю» [Vinge, 1967, 87–88]. Пожалуй, наибольшее влияние имела трактовка, выражённая в одном из самых значимых произведений средневековой литературы – «Романе о Розе» (в первой его части, принадлежащей перу Гильома де Лорриса; XIII в.). Здесь пересказ истории о Нарциссе и Эхо сопровождается описанием просьбы Эхо отомстить обидчику (ст. 1461–1469): «За холодность Нарцисса к ней // Просила Эхо посильней // Его любовью наказать, // Чтоб он не мог ответа ждать, // Как и она, любви послушна, // Отвергнутая равнодушно! // Господь разумной просьбу счёл // И в исполнение привёл // Желанье Эхо» [Цит. по: Смирнова, 2007, 58]. Далее следует морализация автора (ст. 1499–1510): «Амур влюблённых не жалеет, // Презренье наказать умеет, // Нарцисс не мог уж отойти // Иль глаз хотя бы отвести // От зеркала: он помешался // И вскоре в том саду скончался. – // Так он жестоко заплатил // За то, что Эхо не любил, – // Гласила надпись. – Не забудьте // Его историю и будьте // Всегда внимательны к друзьям, // Не то платить придётся вам!» [Цит. по: Смирнова, 2007, 59]. Стоит отметить, что несмотря на частое присутствие в данных интерпретациях, наряду с античными богами, Бога Нового Завета, мы, безусловно, должны говорить о них как о светской рецепции сюжета.

Помимо представленных произведений, Нарцисс нередко упоминается в куртуазной поэзии в качестве примера страдающего влюблённого. Такое прочтение образа встречается уже в XII веке в произведении трубадура Бернарта де Вентадора «Люблю на жаворонка взлёт...»: «В глаза ей заглянул, и вот // Моя душа попала в сеть; // Таит в себе и свет и тьму, // И тянет вглубь игра зрачка! // Нарцисса гибель я пойму: // Манит зеркальная река!» [Цит. по: Дынник, 1979, 63]. В XIV–XV веках подобные аллюзии можно найти в поэтическом творчестве Жана Фруассара, Жана Лемера де Бельжа и других авторов [Лукасик, 2019, 101, 171].

Наряду со светской рецепцией данного образа, для которой, как мы выяснили, было характерно сравнение влюблённого с Нарциссом, а также тема мести за отвергнутые чувства, существовала и богословская специфика интерпретации данного сюжета, истоки которой можно проследить уже у Климента Александрийского. Рассуждая в трактате «Педагог» (II в. н.э.) об «искусстве наведения красоты», Климент (со ссылкой на Второе послание к Коринфянам 4:18) осуждает женщин, пользующихся косметикой, говоря о том, что они больше заботятся о «видимых» вещах, тогда как Логос заповедует стремиться не к видимому, но к невидимому, поскольку видимое временно, а невидимое – вечно [Православный портал, http://mstud.org/library/c/clem_alex/tutor3.htm]. Так и Нарциссу, говорится далее, «не принесло счастья быть зрителем своего собственного образа, как один из греческих мифов о том сообщает» [Цит. по: Православный портал, http://mstud.org/library/c/clem_alex/tutor3.htm]. Огромное влияние на христианскую рецепцию мифа оказал Плотин, выдающийся в образе Нарцисса душу, обманутую внешним великолепием этого преходящего мира [Nightingale, 1990, 58]. В «Первой эннеаде» Нарцисс описывается как тот, кто «хватается за образ, желая овладеть им, как если бы он был чем-то действительно существующим»; далее следует морализация: «Так же и держащийся красивых тел, уже не телом, но душой погрузится в тёмную бездну, где его ум будет безрадостен, и там пребудет слепым в Аиде» [Сидаш, Светлов, 2004, 238].

Морализация мифологических сюжетов (в частности, сюжета о Нарциссе) является следствием особого утилитарного отношения к античной мифологии среди

христианских богословов Средних веков. На протяжении всего Средневековья существовала точка зрения, согласно которой вся ценность античных «басен» заключается в тех смыслах, которые христианам может извлечь из них для собственной пользы. О необходимости интерпретации мифа для приведения его в соответствие с христианским учением писали уже Ориген [Негрен, 2017, 155] и Аврелий Августин [Августин, 2004, 154]. Начиная с IV века нашей эры появляются первые мифографические сочинения (труды Сервия, Макробия, Фульгенция и других авторов), которые оказали большое влияние на специфику христианской рецепции античной мифологии. Особенное значение в контексте нашего исследования имеет комментарий позднеантичного грамматика Амвросия Феодосия Макробия на «Сон Сципиона» Цицерона. Макробий, рассуждая о скрытом смысле, содержащемся в произведениях философов, пишет: «Природе противно, когда её выставляют открытой и обнажённой, она не даёт познавать себя, прячась от чувств обычных людей за завесой и покровом многообразных вещей, и хочет, чтобы мудрые рассуждали о её тайнах посредством сказочного» [Петрова, 2007, 189].

Ранние средневековые теологические интерпретации мифа о Нарциссе начинают появляться с XII века. Речь идёт о трактате об управлении государством англо-французского теолога Иоанна Солсберийского «Поликратик» и о комментариях (*Allegoriae*) на «Метаморфозы» Арнульфа Орлеанского. Несмотря на различные жанры и назначение данных сочинений, главной темой в трактовке рассматриваемого сюжета (в полном соответствии с сочинениями Климента и Плотина) является тема иллюзорности мирской славы. Иоанн Солсберийский осуждает тех, кто, потакая собственному тщеславию, отказывается понимать «истинную природу вещей», сравнивая таких людей с Нарциссом [Цит. по: Webb, 1909, 247]: «Sic Narcissus in fabulis, dum vana sua imagine capitur, abit in florem et, dum seipsum imprudenter aspicit, flos sine fructu pueriliter evanescit» («Так [и] Нарцисс в баснях, пока он был очарован своим пустым отражением, превращается в цветок, и, пока он неразумно глядит на самого себя, по-детски пропадает без пользы [его] цветущее состояние»)⁴. Подобным же образом, в трактовке Арнульфа Орлеанского Нарцисс символизирует надменного человека, любящего свою «тень» [Цит. по: Ghisalberti, 1932, 209]: «Narcissus vero umbram suam dicitur amavisse quia excellenciam suam cunctis rebus pretulit» («Действительно, говорят, что Нарцисс любил свою тень, потому что он предпочитал собственное превосходство всем [прочим] вещам»).

В течение XIII–XIV веков богословская интерпретация мифа о Нарциссе начинает проникать в литературные произведения, которые не являлись по своей сути теологическими трактатами. Жан де Мен, автор второй части «Романа о Розе» [Смирнова, 2007, 603–605], и анонимный автор поэмы на старофранцузском языке с тем же названием, что и труд Петра Берхория («Ovide moralisé») [Knoespel, 1985, 52], воспроизводят в своих произведениях тот же мотив «иллюзорности мирской славы», что и Джон Гарланд в своих «Покровах Овидия» («Integumenta Ovidii»), который пишет [Цит. по: Ghisalberti, 1933, 49]: «Narcissus puer est quem mundi gloria fallit» («Нарцисс – это юноша, которого обманывает слава [этого] мира»).

Таким образом, мы можем говорить о том, что в XIV веке во Франции в интерпретации данного сюжета имели место две тенденции – светская и богословская. При этом, несмотря на отмеченное влияние теологической рецепции данного мифа на светскую литературу, для поэтов моральный смысл этой истории заключался, прежде всего, в недопустимости бунта против Любви, тогда как для богословов указанного периода судьба Нарцисса символизировала иллюзорность мира и тщетность земной славы. Трактовка данного сюжета в трактате Петра Берхория «Морализованный Овидий» не несёт в себе ничего принципиально нового по сравнению с мифографическими сочинениями его современников и ближайших предшественников (в этом вопросе мы согласимся с Л. Виндж [Vinge, 1967, 98]). Берхорий сравнивает Нарцисса с тщеславными людьми, которые, наслаждаясь преимуществами своего социального положения, теряют жизнь вечную [Цит. по: Engels, 1962, 71]: «Pro certo isti in fonte mundanae prosperitatis videntes umbram & eminentiam status sui quae omnia transeunt sicut umbra. Sapientiae V. Ita feruenter ipsam diligunt: & se in ea ita glorificant: quod animae vitam perdunt» («С уверенностью [скажу], эти [люди, подобные Нарциссу] –

видящие в источнике тень земного благополучия и превосходство своего положения, все [эти вещи], которые проходят, точно тень. Книга Премудрости Соломона, 5⁵. Они так горячо любят саму [эту тень], и так прославляют себя в той [тени], что безвозвратно теряют жизнь души»).

Значимость трактата «Морализованный Овидий» для изучения средневековой рецепции античной мифологии, действительно, на наш взгляд, заключается не столько в степени оригинальности представленных в нём интерпретаций, сколько в цели его написания. Опираясь на предыдущую мифографическую традицию, Пётр Берхорий не просто составляет перечень морализаций сюжетов из «Метаморфоз», но и предполагает *трансляцию* данных морализованных сюжетов на широкую аудиторию (в проповеди). Важно подчеркнуть, что богословская трактовка того или иного мифологического сюжета зачастую была не единственной (как мы видим на примере мифа о Нарциссе и Эхо); соответственно, какие-то сюжеты античной мифологии уже могли быть известными предполагаемой пастве. В этой связи мы можем говорить о том, что смысл составления «Морализованного Овидия» был не только в том, чтобы расцветить «истину Писания» при помощи красочных примеров из античной мифологии (хотя мы ни в коем случае не отрицаем и важности развлекательного момента в средневековой проповеди, на которую указывает М.-А. Поло де Болье [Поло де Болье, 2014, 151] и другие исследователи), но и в том, чтобы предоставить проповеднику образцы именно *христианской* интерпретации данных сюжетов. Берхорий, на наш взгляд, не столько пропагандирует античный миф, сколько учит «правильному» пониманию мифа, «христианизует» его.

Творчество Петра Берхория невозможно однозначно отнести ни к гуманистической, ни к консервативной традиции восприятия античной мифологии. С одной стороны, как указывает А. В. Журбина, «и объект его занятий, и сами научные изыскания <...> сближают его с гуманистами» [Журбина, 2008, 255]. Кроме того, Берхорий часто цитирует произведения античных авторов в своём труде. Например, рассуждая о судьбе Пердикса (Perdix), которого Дедал из зависти сбросил с крыши храма Афины, он делает вывод о том, что те, кто занимает скромное положение в обществе находятся в большей безопасности, чем те, кто, подобно Пердиксу, претендуют на высокое положение. При этом цитируется произведение «О лекарстве против случайностей» («De remediis fortuitorum»), традиционно приписываемое Сенеке Младшему⁶ [Цит. по: Engels, 1962, 130]: «Non est in paupertate vitium: sed in paupere. Illa expedita est hylaris & tuta» («Не в бедности заключается порок, но в бедном [человеке]. [Сама] та [бедность] является лёгкой, весёлой и безопасной»). С другой стороны, как было показано выше, античный материал используется Берхорием не столько с целью его популяризации, сколько для его христианизации.

Отметим в качестве выводов, что: трактовка мифологического сюжета о Нарциссе и Эхо, представленная в трактате Петра Берхория «Морализованный Овидий», являлась частью богословской рецепции данного сюжета, сосуществовавшей с интерпретацией данного мифа в куртуазной лирике; подобная христианизация сюжетов античной мифологии могла быть своеобразным «ответом» на неверное, с точки зрения христианских богословов, понимание языческих сюжетов среди своей паствы; отношение Петра Берхория к античному наследию включает в себе как гуманистические, так и консервативные элементы.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-011-01123 «Проблема сопряжения морали и религии в эпикурейской и стоической философии: сравнительный анализ полемического дискурса».

Acknowledgement

The article was written with the support of the RFBR grant No. 18-011-01123 “The Problem of Conjugation of Morality and Religion in Epicurean and Stoic Philosophy: a Comparative Analysis of Polemical Discourse”.

Библиографический список

1. Августин. Христианская наука или Основания священной герменевтики и церковного красноречия / Августин: Пер. с лат. – СПб.: Изд-во «Аксион эстин», 2004. – 356 с.
2. Бернарт де Вентадорн. Песни / Бернарт де Вентадорн: Пер. со старопровансальского В.А. Дынник. – М.: Изд-во «Наука», 1979. – 312 с.
3. Гильом де Лоррис, Жан де Мен. Роман о Розе / Гильом де Лоррис, Жан де Мен: Пер. и комм. И. Б. Смирновой. – М.: ГИС, 2007. – 671 с.
4. Евдокимова, Л.В. «Морализованный Овидий» Берсюира: целевая аудитория, экзегетический и идеологический контекст / Л.В. Евдокимова // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. – 2018. – Вып. 54. – С. 27–69.
5. Журбина, А. В. Пьер Берсюир. О внешнем облике и значении богов / Пьер Берсюир: Пер. с лат., вступит. ст. и примеч. А.В. Журбиной // Вестник РГГУ. – 2008. – № 12/08. – С. 252–288.
6. Лукасик, В.Ю. Миф до Ренессанса: Античная мифология во французской поэзии позднего Средневековья / В.Ю. Лукасик. – М.: Книжный дом «Либроком», 2019. – 224 с.
7. Петрова, М.С. Макрый Феодосий и представления о душе и о мироздании в поздней Античности / М.С. Петрова; Институт всеобщей истории РАН. – М.: Изд-во «Круг», 2007. – 464 с.
8. Плотин. Первая эннеада / Плотин; пер. с лат., вст. ст., коммент. Т.Г. Сидаша, Р.В. Светлова. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2004. – 320 с.
9. Поло де Болье, М.-А. Визуальные образы в средневековой проповеди / Мари-Анн Поло де Болье // Вестник ПСТГУ. – 2014. – № 3 (38). – С. 151–160.
10. Православный портал «My Studies» [Электронный ресурс] // Климент Александрийский. Педагог; пер. Н.Н. Корсунского. – URL: http://mstud.org/library/c/clem_alex/tutor3.htm (дата обращения 15.02.2020).
11. Berchorius, Petrus. Reductorium morale, Liber XV, cap. ii–xv, “Ovidius moralizatus” naar de Parijse drunk van 1509 / Petrus Berchorius: Ed. J. Engels. – Utrecht: Instituut voor Laat Latijn der Rijksuniversiteit, 1962. – 189 p.
12. Chance, J. The Medieval “Apology for Poetry”: Fabulous Narrative and Stories of the Gods / J. Chance // The Mythographic Art: Classical Fable and the Rise of the Vernacular in Early France and England / Ed. J. Chance. – Gainsville: The University of Florida Press, 1990. – P. 3–44.
13. Clark, J.G. Ovid in the Monasteries: The Evidence from Late Medieval England / J.G. Clark // Ovid in the Middle Ages / Ed. J.G. Clark, F.T. Coulson, K.L. McKinley. – NY.: Cambridge University Press, 2011. – P. 177–196.
14. Coulson, F.T. Ovid’s Metamorphoses in the School Tradition of France, 1180–1400: Texts, Manuscript Traditions, Manuscript Settings / F.T. Coulson // Ovid in the Middle Ages / Ed. J. Clark, F.T. Coulson, K.L. McKinley. – NY.: Cambridge University Press, 2011. – P. 48–82.
15. Ghisalberti, F. Arnolfo d’Orléans: Un cultore di Ovidio nel secolo XII / F. Ghisalberti // Memorie del Reale istituto lombardo di scienze e lettere. Classe di lettere, scienze morali e storiche. – 1932. – Vol. 24. – P. 157–232.
16. Giovanni di Garlandia. Integumenta Ovidii / Giovanni di Garlandia: Ed. F. Ghisalberti. – Messina, Milano: Casa Editrice Guiseppa Principato, 1933. – 79 p.
17. Herren, M. The Anatomy of Myth: The Art of Interpretation from the Presocratics to the Church Fathers / M. Herren. – NY.: Oxford University Press, 2017. – 231 p.
18. Ioannis Saresberiensis. Policratici / Ioannis Saresberiensis: Ed. C. C. I. Webb. – Oxonii: Typographeo Clarendoniano, 1909. – Vol. II. – 532 p.
19. Kellogg, J.L. Christine de Pizan as Chivalric Mythographer: L’Epistre Othea / J.L. Kellogg // The Mythographic Art: Classical Fable and the Rise of the Vernacular in Early France and England / Ed. J. Chance. – Gainsville: The University of Florida Press, 1990. – P. 100–124.
20. Knoespel, K.J. Narcissus and the Invention of Personal History / K.J. Knoespel. – NY., London: Garland Publishing, 1985. – 160 p.
21. Newman, R.J. Rediscovering the De Remediis Fortuitorum / R.J. Newman // The American Journal of Philology. – 1988. – Vol. 109. – № 1. – P. 92–107.
22. Nightingale, J.A. From Mirror to Metamorphosis: Echoes of Ovid’s Narcissus in Chrétien’s Erec et Enide / J.A. Nightingale // The Mythographic Art: Classical Fable and the Rise of the Vernacular in Early France and England / Ed. J. Chance. – Gainsville: The University of Florida Press, 1990. – P. 47–82.
23. Reynolds, W.D. Sources, Nature, and Influence of the Ovidius Moralizatus of Pierre Bersuire / W.D. Reynolds // The Mythographic Art: Classical Fable and the Rise of the Vernacular in Early France and England / Ed. J. Chance. – Gainsville: The University of Florida Press, 1990. – P. 83–99.

24. Vinge, L. The Narcissus Theme in Western Literature up to the Early 19th Century / L. Vinge. – Lund: Gleerups, 1967. – 448 p.
25. Wilkins, E.H. Descriptions of Pagan Divinities from Petrarch to Chaucer / E.H. Wilkins // *Speculum*. – 1957. – Vol. 32. – № 3. – P. 511–522.

Текст поступил в редакцию 26.11.2019.
 Принят к публикации 27.01.2020.
 Опубликовано 30.06.2020.

¹ Сведения относительно биографии Петра Берхория, места «Морализованного Овидия» в общем корпусе его сочинений, методах и источниках автора в сжатом виде изложены в статье В.Д. Рейнольдса; См.: Reynolds, W.D. Sources, Nature, and Influence of the Ovidius Moralizatus of Pierre Bersuire / W.D. Reynolds // *The Mythographic Art: Classical Fable and the Rise of the Vernacular in Early France and England* / Ed. J. Chance. – Gainsville, 1990. – P. 83–99.

² Под «мифографией», согласно определению, приведённому в коллективной монографии «The Mythographic Art» под редакцией Джейн Чанс, мы понимаем «попытку объяснения античной мифологии, часто сопровождающуюся морализацией или аллегоризацией»; См.: *The Mythographic Art: Classical Fable and the Rise of the Vernacular in Early France and England* / Ed. J. Chance. – Gainsville, 1990. – 336 p., здесь: с. ix.

³ См.: перечень основных средневековых мифографов: Chance, J. The Medieval “Apology for Poetry”: Fabulous Narrative and Stories of the Gods / J. Chance // *The Mythographic Art: Classical Fable and the Rise of the Vernacular in Early France and England* / Ed. J. Chance. – Gainsville, 1990. P. 33–34.

⁴ Перевод наш, если иное не указано.

⁵ Книга Премудрости Соломона 5:8–9: «Какую пользу принесло нам высокомерие, и что доставило нам богатство с тщеславием? Всё это прошло как тень и как молва быстротечная».

⁶ Подробнее о проблеме авторства данного трактата см.: Newman, R.J. Rediscovering the De Remediis Fortuitorum / R.J. Newman // *The American Journal of Philology*. – 1988. – Vol. 109. – № 1. – P. 92–107.

References

1. Augustine. *Hristianskaya nauka* [On Christian Doctrine]. St. Petersburg: Aksion estin Publ., 2004, 356 p. (in Russian).
2. Berchorius P. *Reductorium morale* [Moral Corpus]. Ed. J. Engels. Utrecht: Instituut voor Laat Latijn der Rijksuniversiteit, 1962, vol. 15, parts 2–15, 189 p. (in Latin).
3. Chance J. The Medieval “Apology for Poetry”: Fabulous Narrative and Stories of the God in J. Chance *The Mythographic Art: Classical Fable and the Rise of the Vernacular in Early France and England*. Gainsville: The University of Florida Press, 1990, pp. 3–44 (in English).
4. Clark J.G. Ovid in the Monasteries: The Evidence from Late Medieval England in Clark J.G., Coulson F.T., McKinley K.L. *Ovid in the Middle Ages*. NY.: Cambridge University Press, 2011, pp. 177–196 (in English).
5. Coulson F.T. Ovid’s Metamorphoses in the School Tradition of France, 1180–1400: Texts, Manuscript Traditions, Manuscript Settings in Clark J.G., Coulson F.T., McKinley K.L. *Ovid in the Middle Ages*. NY.: Cambridge University Press, 2011, pp. 48–82 (in English).
6. Evdokimova L. *Vestnik PSTGU* [Bulletin of St. Tikhon State University]. Moscow: PSTGU Publ., 2018, no. 54, pp. 27–69 (in Russian).
7. Ghisalberti F. *Arnolfo d’Orléans. Un cultore di Ovidio nel secolo XII* [Arnulf of Orleans: A lover of Ovid in the Twelfth Century]. Rome: Memorie del Reale istituto lombardo di scienze e lettere, 1932, no. 24, pp. 157–232 (in Italian and Latin).
8. Giovanni di Garlandia. *Integumenta Ovidii* [John of Garland. Ovid’s Integuments]. Ed. F. Ghisalberti. Messina, Milano: Casa Editrice Guiseppe Principato [Guiseppe Principato’s Publ.]. 1933, 79 p. (in Latin).
9. Guillaume de Lorris, Jean de Meung. *Roman o Roze* [The Romance of the Rose]. Transl. by I.B. Smirnova. Moscow: GIS Publ., 2007, 671 p. (in Russian).
10. Herren M. *The Anatomy of Myth: The Art of Interpretation from the Presocratics to the Church Fathers*. NY.: Oxford University Press, 2017, 231 p. (in English).
11. Ioannis Saresberiensis. *Policratici* [Policraticus]. Ed. C.C.I. Webb. Oxonii: Typographeo Clarendoniano Publ., 1909, vol. II, 532 p. (in Latin).
12. Kellogg J.L. Christine de Pizan as Chivalric Mythographer: L’Epistre Othea in J. Chance. *The Mythographic Art: Classical Fable and the Rise of the Vernacular in Early France and England*. Gainsville: The University of Florida Press, 1990, pp. 100–124 (in English).
13. Knoespel K.J. *Narcissus and the Invention of Personal History*. NY., London: Garland Publishing, 1985, 160 p. (in English).
14. Lukasik V. *Mifdo Renessansa: Antichnaya mifologiya vo frantsuzskoy poezii pozdnego Srednevekovia* [Myth before the Renaissance: Ancient Mythology in French Poetry of the Late Middle Ages]. Moscow: Librokom Publ., 2019, 224 p. (in Russian).

15. Newman R.J. *The American Journal of Philology*. Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press, 1988, vol. 109, no. 1, pp. 92–107 (in English).
16. Nightingale J.A. From Mirror to Metamorphosis: Echoes of Ovid's Narcissus in Chrétien's Erec et Enide in J. Chance. *The Mythographic Art: Classical Fable and the Rise of the Vernacular in Early France and England*. Gainesville: The University of Florida Press, 1990, pp. 47–82 (in English).
17. Petrova M.S. *Makrobiy Feodosiy i predstavleniya o dushe i o mirozdanii v pozdney Antichnosti* [Macrobius Ambrosius Theodosius and Ideas of Soul and the Universe in Late Antiquity]. Moscow: Krug Publ., 2007, 464 p. (in Russian).
18. Plotin. *Pervaya enneada* [The First Ennead]. Transl. from Latin into Russian, comments by T.G. Sidash, R.V. Svetlov. St. Petersburg: Oleg Abyshko's Publ., 2004, 320 p. (in Russian).
19. Polo de Bole M.-A. *Vizualnyye obrazy v srednevekovoy propovedi* [Visual Images in Medieval Preaching]. Moscow: PSTGU Publ., 2014, no. 3 (38), pp. 151–160 (in Russian).
20. *Pravoslavnyy portal "My Studies"* [Orthodox Internet-Source "My Studies"]. Available at: http://mstud.org/library/c/clem_alex/tutor3.htm (accessed on February 15, 2020) (in Russian).
21. Reynolds W.D. Sources, Nature, and Influence of the Ovidius Moralizatus of Pierre Bersuire in J. Chance. *The Mythographic Art: Classical Fable and the Rise of the Vernacular in Early France and England*. Gainesville: The University of Florida Press, 1990, pp. 83–99 (in English).
22. Bernart de Ventadorn. *Pesni* [Songs]. Transl. into Russian by V.A. Dynnik. Moscow: Nauka Publ., 1979, 312 p. (in Russian).
23. Vinge L. *The Narcissus Theme in Western Literature up to the Early 19th Century*. Lund: Gleerups, 1967, 448 p. (in English).
24. Wilkins E.H. *Speculum*. Chicago: The University of Chicago Press, 1957, vol. 32, no. 3, pp. 511–522 (in English).
25. Zhurbina A.V. *Vestnik RGGU* [RGGU Bulletin]. Moscow: RGGU Publ., 2008, no. 12/08, pp. 252–288 (in Russian).

Submitted for publication: November 26, 2019.

Accepted for publication: January 27, 2020.

Published: June 30, 2020.